

О. Симонова

ДЕТСКАЯ КНИГА В ФОКУСЕ ВЛИЯНИЙ (КОНЕЦ 1940-х — НАЧАЛО 1950-х гг.)

В статье на основе архивных материалов восстанавливаются способы влияния комсомольской и пионерской организаций, Министерства просвещения, Академии педагогических наук, Комиссии по детской литературе при Союзе советских писателей на Детгиз (Государственное издательство детской литературы) в послевоенное время (конец 1940-х — начало 1950-х гг.). Выясняется, какие требования к детской книге выдвигали перечисленные институты и как Детгиз пытался их воплотить.

Ключевые слова Детгиз, издание детской литературы в СССР, педагогика и детская книга, критика издательской деятельности, Министерство просвещения, ЦК ВЛКСМ, Дом детской книги.

В советское время Детгиз (Государственное издательство детской литературы) обладал приоритетным правом формирования литературного потока в детской литературе. Так, например, в 1956 г. Детгиз издал по Советскому Союзу 70% тиражей книг для детей¹. Соответственно, посредством влияния на это издательство осуществлялось руководство практически всей детской литературой. Главным ориентиром для Детгиза были постановления партии и правительства, свою лепту вносили комсомольская и пионерская организации. Непосредственное руководство осуществляло Министерство просвещения, в подчинении которого Детгиз находился в 1940–1950-е гг. Дополнительными агентами влияния были Академия педагогических наук (АПН), Комиссия по детской литературе при Союзе советских писателей, критика детской литературы.

На основе архивных материалов (документов из фондов ЦК ВЛКСМ, ЦС Всесоюзной пионерской организации, Министерства просвещения, Детгиза и личного фонда директора Детгиза К. Ф. Пискунова) можно восстановить, как влияли упомянутые структуры на Детгиз в послевоенное время (конец 1940-х — начало 1950-х гг.). Нас, прежде всего, интересуют требования к детской литературе со стороны перечисленных институций, и, уже во

Директор Детгиза Л. В. Дубровина открывает совещание читателей-корреспондентов. 1940-е гг. (архив издательства «Детская литература», Москва)

вторую очередь, как Детгиз пытался воплотить эти требования. Следует особо отметить малую изученность темы, на сходном материале работал лишь историк А. В. Фатеев, при этом ставя перед собой другие задачи: он изучал отражение повседневности в детской книге и влияние детской литературы на формирование сознания советских граждан [Фатеев 2007].

Важным требованием в создании послереволюционной реальности было воспитание нового человека, чему, в первую очередь, способствовала детская книга. Наравне со школой, семьей, комсомольской и пионерской организациями она воспринималась управляющими инстанциями как одно из средств воспитания детей. Для борьбы с «халтурой и недостатками в детской литературе» по специальному постановлению руководящей партии «Об издательстве детской литературы» от 9 сентября 1933 г. был создан Детгиз, который должен был издавать высококачественные современные книги и лучшее из мировой классики многотысячными тиражами [О партийной и советской печати... 1972, с. 414–415]. Таким образом, с начала 1930-х гг. издание детской книги было монополизировано и взято под государственный контроль.

25 мая 1941 г. постановлением ЦК ВКП (б) Детгиз передается Наркомпросу РСФСР (впоследствии — Министерству просвеще-

ния), в ведении которого он находился до 1963 г. Отныне детская книга мыслится как помощник школы в воспитании детей. Министерство просвещения утверждало все планы Детгиза. Оно же осуществляло жесткий финансовый контроль. Если среди изданных Детгизом книг появлялись не предусмотренные планом (что случалось ежегодно), ревизия отмечала это, и издательство было вынуждено отчитываться по каждому названию. Зависимость от школы регулярно подчеркивалась издательством, при создании проекта плана изданий на год учитывались пожелания учителей и библиотекарей, замечания Министерства просвещения и Академии педагогических наук. После войны возникает требование даже серию «Библиотечка детского сада» ежегодно утверждать в Министерстве просвещения².

Между тем, писатели отреагировали на новую зависимость скептически. «Помнится, как встречена была некоторыми писателями передача Издательства детской литературы Министерству просвещения: “Теперь пойдет издание детских книг по трем линейкам в косую”»³, — вспоминала Людмила Викторовна Дубровина (1901–1977), назначенная в 1941 г. директором Детгиза. Выбор кандидатуры Дубровиной в свете переподчинения издательства Минпросу не случаен: до этого она возглавляла Мосгорнаробраз. С перерывом в 1942–1943 гг. она руководила Детгизом до 1948 г. По воспоминаниям художественного редактора издательства А. В. Чегодаева, это была первый компетентный директор в Детгизе [Чегодаев 2006, с. 253]. В конце 1930-х гг. в издательстве сменилось несколько руководителей, были расстреляны директор московского отделения издательства до августа 1937 г. Г. Е. Цыпин, занявший его место в 1937–1938 гг. С. А. Андреев и главный редактор Г. Лебедев. Дубровиной удалось поднять книгоиздание на «новый уровень». Как заявил на одном из заседаний художник Е. А. Кибрик, Детгиз превратился в «почти ведущее в художественном отношении издательство», ведь «то, что выпускалось раньше, не было книгами, то, что выпускалось, не было предметами культуры»⁴.

Педагогический заказ привел к тому, что Детгиз сосредоточился на издании классики русской литературы. Если до войны, несмотря на постановление Совнаркома СССР 1936 г. о серии «Школьная библиотека», классика составляла только 25–27% изданий, то сразу после войны — 70–75%⁵. Увеличение изданий классики началось в военные годы, когда выпускалось три серии: «Школьная библиотека», «Библиотечка школьника» и «Первая библиотечка школьника».

Известно, что в военные годы пропагандистское влияние государства на население усиливается. Если до войны планы издательства разрабатывались комиссией ССП, то в 1942–1943 гг. для обсуждения проблем детской книги созываются расширенные совещания наркомпросовских, редакционных, библиотечных, военных работников, художников и писателей. В 1943 г. Наркомпрос создает художественно-редакционный совет Детгиза, на котором планы издательства обсуждались писателями, педагогами и чиновниками. Реформирование управления Детгизом было вызвано не только стремлением усилить педагогическое и партийное влияния на издательство, но и желанием издавать для детей «лучшее»: началось проведение конкурсов на лучшую художественную книгу для детей. Были предприняты попытки установить диалог с читателями: в том же 1943 г. был впервые проведен День детской книги, впоследствии превратившийся в ежегодную Неделю детской книги, во время которой читатели могли непосредственно общаться с писателями. В 1944 г. была перестроена структура издательства, созданы новые редакции [подробнее см.: Фатеев 2007].

В своей деятельности после войны издательство ориентировалось на доклад Жданова и постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г., в котором говорилось: «Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности. <...> Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее запросы, воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий» [О партийной и советской печати... 1972, с. 260]. Это постановление на долгие годы становится определяющим при отборе детской литературы. В конце февраля 1947 г. состоялось заседание коллегии Министерства просвещения, на котором руководитель управления школ Минпроса Георгий Арнаутов подчеркивает «повышенные требования к деятельности издательства (Детгиза. — О. С.), в частности, к программе его по названиям, по тематике и т. д., которые вытекают из решений ЦК партии и доклада тов. Жданова по вопросам идеологической работы. <...> Надо позаботиться о том, чтобы наши дети, учащиеся советской школы, как можно скорее получили необходимые им книги, способствующие тому, чтобы из них, как говорил товарищ Жданов, росли, воспитывались высокообразованные и высокоидейные люди»⁶. Таким образом, декларировалось, что поста-

новления партии являются прямым указанием к тому, как следует работать одному из крупнейших государственных издательств.

На этом заседании Дубровина сделала доклад о положении Детгиза, при обсуждении которого произошел спор о том, что преимущественно должен издавать Детгиз. Представители педагогов настаивали на классиках. Так, редактор «Учительской газеты» Александров объяснял «худосочность» «Школьной библиотеки» Детгиза тем, что существует «некоторая излишняя автономия, в которой находится Детгиз по отношению к Министерству»⁷. Он отметил, что издательство недостаточно выполняло указание работать на пополнение школьных библиотек, в которые поступало 33% от всех изданий Детгиза⁸. Приоритетной задачей педагогам виделось издание книг для школ. Соответственно, представители системы школьного образования говорили о необходимости теснейшего сотрудничества с Детгизом, чего на тот момент достигнуто не было. Заместитель начальника Управления образования Малышев указал на отсутствие контакта между Управлением и Детгизом: «Детгиз работает самостоятельно, а мы упускаем возможность влиять на него»⁹. Писатель Л. Кассиль также утверждал, что писатели не слышат мнения педагогов. Выдвигался упрек Дубровиной и по поводу идейного содержания работы.

Некоторых писателей, напротив, беспокоило развитие современного литературного процесса. А. Барто отметила, что в последнее время в детской литературе не появилось талантливых поэтов. Причиной этого она считала план Детгиза, утверждаемый на год. По ее мнению, необходимо было оставлять резерв для начинающих поэтов. В то же время уже состоявшиеся авторы Детгиза В. Каверин и Л. Кассиль отмечали особую дружескую атмосферу в редакции, заинтересованность в их работе. Как видно из данного обсуждения, в начале 1947 г. Детгиз не испытывал прямого давления Минпроса и Академии педагогических наук. Заседание выявило противоречия в интересах педагогов и писателей, которое не могло быть решено возможностями Детгиза.

Объективные показатели были следующие: в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Детгиз издавал около 500 наименований книг общим тиражом 60–80 млн экземпляров в год¹⁰. Получалось всего около трех новых книг на ребенка в год¹¹, при этом часть книг поступала в библиотеки. Каждое издание выходило многотысячными тиражами, поэтому Детгиз предпочитал не рисковать и печатать проверенных авторов.

После войны постепенно отпадает насущная потребность сплочения нации перед лицом внешней интервенции и акцентирования общего прошлого, что в издательской сфере как раз проявлялось в публикации произведений русской классической литературы. В апреле 1948 г. Секретариат ЦК ВКП (б) назначил на должность директора Детгиза заведующего редакцией современной художественной литературы Константина Федотовича Пискунова (1905–1981). Таким образом, косвенно демонстрировалось, что идеологическая нагрузка в издательстве ложится на публикацию современных произведений, которые должны были по-новому воспитывать читателя. В числе таких произведений при обсуждении плана Детгиза на 1949 год главный редактор Василий Георгиевич Компаниец (1907–1980) называл «Открытую книгу» В. Каверина, «Пионеров» В. Катаева, «Володю» Б. Полевого, «Честь смолоду» А. Первенцева, «Володю Дубинина» Л. Кассиля и М. Поляновского. По его словам, «эти новые произведения раскрывают внутренний мир советского человека, раскрывают в конкретных образах понятие советского патриотизма и дают богатейший материал для идейного и морального воспитания детского читателя»¹². При этом школьная и пионерская тема в 1949 г. были представлены не очень широко (М. Прилежаева «Товарищи», И. Василенко «Звездочка», Е. Ильина «Школьники», Н. Артюхова «Маринка», Н. Носов «Веселая семейка»). Еще большей работы требовали разделы научно-образовательной и научно-фантастической литературы.

Свои требования к формированию плана Детгиза предъявляла и пионерская организация. 6 декабря 1948 г. на совещании в отделе пионеров ЦК ВЛКСМ по вопросам выпуска Детгизом детской литературы на 1949 год работник аппарата ЦК ВЛКСМ В. П. Ершов предложил темы, на которые нужно издавать книги: в помощь юному путешественнику (о разных маршрутах), история пионерской организации, биографии вождей, школа и школьные предметы, деревня¹³. Но декларативность подобных заявлений, постоянное напоминание о долженствовании свидетельствуют, скорее, о чаемом, а не об осуществленном. На том же совещании Ершов заявил, что «Детгиз планирует книги после того, как они создаются на столе у авторов, таким образом, издательство ни в какой степени не руководит этим процессом создания книг»¹⁴. Утверждалось, что Детгиз не формирует заказ на литературу. По словам главного редактора журнала «Пионер» Н. В. Ильиной, «не видна определяющая роль издательства. Не видно это ни в планирова-

Слева: Василий Георгиевич Компаниец, главный редактор Детгиза в 1947–1970 гг. (архив издательства «Детская литература», Москва). *Справа:* Константин Федотович Пискунов, директор Детгиза в 1948–1974 гг. (Ф. 636 ОР ИМЛИ РАН)

нии книг, ни в подборе авторов. <...> Получается как-то без руля и без ветрил»¹⁵.

Самым большим недостатком издательства очеркист и литературный критик, член Комиссии ССП по детской литературе И. Ивич признавал «боязнь больших принципиальных книг или неумение их организовать, недостаток упорства в том, чтобы такие книги, несмотря на ряды осложнений, все же создавались»¹⁶. Отмечая, что Детгиз сосредоточился на издании беллетристики, критик выдвигал идею создания очерково-публицистических книг, которые рассказывали бы не только о детях, но были шире по тематике. Также он предлагал писать книги о русской науке, упрекая издательство в том, что работа по созданию научно-художественной книги перенесена в Ленинград и московский Детгиз не занимается ее организацией. Таким образом, руководящие инстанции не видели реализации своих требований в изданиях Детгиза.

ЦК ВЛКСМ требовал от детских писателей создавать книги, прославляющие деяния партии, в справке о работе Детгиза руководство комсомола отмечало отсутствие «художественных биографий вождей мирового пролетариата — товарища Ленина и товарища Сталина, <...> полноценных книг и об их боевых соратниках, чьи имена носят города и заводы, <...> художественных книг,

со всей *серьезностью* рассказывающих детям о великих победах, одержанных партией под водительством Ленина и Сталина (курсив везде мой. — О. С.)»¹⁷. При этом важен был не просто факт запечатления биографий и событий в художественной форме, критики из ЦК ВЛКСМ интересовались и качеством изданий: от писателей требовали создания книг высокого уровня как в художественном, так и в идеологическом отношении. В этом смысле симптоматичен ответ издательства составителю сборника стихов, песен и рассказов о Сталине: «К сожалению, издать Ваш сборник мы не сможем. Не весь материал, подобранный Вами, соответствует тем высоким требованиям, которые мы предъявляем в настоящее время к художественным произведениям, написанным о тов. Сталине»¹⁸. При этом отмечалось, что в издательстве был запущен процесс издания подобного сборника, по-видимому, написанного на должном уровне¹⁹.

В то же время подчиненность издательства Министерству просвещения, а не ЦК ВЛКСМ, как это было до мая 1941 г., своеобразно проявилась в том, что критерием оценки произведения у редакторов Детгиза становится степень его педагогичности. Редактор отдела дошкольной литературы Э. Эмден заявила по поводу книги С. Маршака: «В первом варианте “Кошкиного дома” явно нарушались школьные основы педагогики. Сейчас это исправлено по требованию редактора»²⁰. Марии Пожарской, предоставившей издательству сборник своих стихов, В. Компаниец отвечал: «При отборе стихотворений мы исходили из соображений их идейного содержания, педагогической и художественной их ценности. Некоторые же из стихотворений, на включении которых в сборник Вы настаиваете, педагогически не совсем верны. Так, например, стихотворение “Звериная хитрость”, прославляющее крысиный и муравьиный ум за счет человеческого, — не может украсить Вашу детскую книгу»²¹. Очевидно, что педагогический подход являлся одним из ключевых в арсенале редакторских оценок рукописей.

Детгиз реагировал не только на официально проговоренные требования, но и пытался уловить поветрие текущего политического момента. Так, на редакционном совещании 16 апреля 1948 г. К. Пискунов пояснял редакции дошкольной (!) литературы: «Ребята должны почувствовать себя частицей советского народа и уже в этом возрасте получить понятие о врагах»²². Редакции классической литературы он предлагал «пронизать аппарат классических произведений идеей борьбы с космополитизмом (поддержи-

вать патриотический национализм)», в современной беллетристике «нельзя упускать из виду острую идеологическую борьбу двух систем», а в научно-познавательной литературе призывал «не отгораживаться и от мировой науки, но так, чтобы была ясна ее классовая сущность»²³.

Детгиз стремился издавать пропагандистские книги, подливая масла в огонь холодной войны. На том же совещании обсуждали предложение художника Б. И. Пророкова об издании книги о современном Китае и об американской политике в этой стране. Разумным ответом прозвучало мнение редактора Детгиза Б. И. Камира о сложности найти автора, который бы мог доступно изложить эти темы детям. Но сотрудники издательства, обладавшие политическим чутьем, смогли понять важность подобного издания: «Это книга не только о Китае, но и об Америке. Первоочередная, нужная книга» (Кравченко); «На этой книге мы сможем раскрыть лицо “демократической” Америки» (Компаниец)²⁴.

При этом позиция руководства издательства не заключалась в том, чтобы огульно отрицать все западное. Полиграфическое производство европейских стран давало продукцию высокого качества, чем Детгиз стремился воспользоваться. К. Пискунов предложил составить список книг «золотого фонда» для печати в Германии. При обсуждении возможности отпечатать дополнительный тираж юбилейного издания «Сказки о царе Салтане» А. С. Пушкина в Германии редактор Эльперин заметил, что издать в Москве так же хорошо не удастся²⁵. Таким образом, стремясь выполнять партийные указания, Детгиз искал возможности выпускать книги для детей хорошего качества и интересного содержания.

Эволюцию партийных требований к детской литературе можно проследить на примере военной темы. Уже с конца 1940-х гг. молодежные организации предъявляют детским писателям требования расширительного толкования патриотизма: «Эта тема все еще трактуется почти исключительно в связи с Отечественной войной. Достаточно сказать, что среди областных изданий в 1948 г. нет ни одного прозаического произведения, говорящего о трудовых подвигах советских людей в дни послевоенного восстановления страны и почти ничего о работе в тылу во время войны»²⁶.

Кратковременный отход от военной темы снова сменяется ее насаждением: в 1950 г., когда международная обстановка была близка к предвоенной, военной теме придается особенное значение. В справке ЦК ВЛКСМ от 10 января 1950 г. утверждалось,

что советская литература воспитала поколение людей, ставших героями войны 1941–1945, чьи подвиги, в свою очередь, служат основой для воспитания молодежи²⁷. Литература о Гражданской войне («Чапаев» Д. Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского) перекликается с литературой о Великой Отечественной («Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого), что создает преемственность поколений. Таким образом, комсомольская организация призывала писателей поддерживать боевой дух у молодежи, образцами для которой становились исключительно герои войн. В комсомольском языке описания сохранялась военная лексика: в справке ЦК ВЛКСМ перечисляются «*боевые* первоочередные задачи нашей литературы для детей», детская литература призвана «идейно *вооружать* подрастающее поколение» «на *фронте* решения этих задач»²⁸ (курсив везде мой. — О. С.).

Но уже с середины 1951 г. начинается поворот в сторону смягчения отношений с капиталистическими странами. В отчете Детгиза за 1952 год одной из тем, на которые написаны новые книги, названа тема борьбы за мир²⁹. Л. Дубровина, зарекомендовавшая себя активной деятельницей в сфере образования, с 1949 г. — зам. министра просвещения, в своем докладе на сессии Академии педагогических наук, посвященной детской литературе, официально признает тему борьбы за мир ведущей для писателей³⁰. В 1955 г. из плана Детгиза исключают книгу Никифорова и Савельева «Моя военная тайна», объясняя это «международной обстановкой — борьбой за мир и запрещением военной пропаганды в стране»³¹. Серия «Военная библиотека школьника», издававшаяся с 1941 г., была прервана в 1949 г. и возобновилась уже только в 1975 г.

Итак, прямая зависимость детской литературы от государственных органов управления превратила ее в лакмусовую бумажку происходящих в политике страны изменений.

1950-й год стал сложным для руководителей детской книги: атаке подверглась Комиссия ССП по детской литературе. Писательница М. П. Прилежаева 7 января 1950 г. выступила на страницах «Литературной газеты» со статьей «О критике детской литературы», в которой утверждала, что в «толстых» журналах публикуется очень мало критики детской литературы, нет обзоров детских книг, детских журналов и проч. В конце статьи она возлагала всю вину за отсутствие критики детской литературы на Комиссию по детской литературе при ССП, которая либо не замечала

новые книги («Звездочка» И. Василенко), либо осуждала их. Прилежаева имела в виду доклад Ивича 1947 г. о повести В. Осеевой. (Ивич ко времени выхода статьи уже был разоблачен как критик-космополит. — О. С.).

Прилежаева жестко характеризовала работу комиссии: «Неверие в новые силы и скептическое к ним отношение, ориентация на устоявшиеся литературные имена, отсутствие твердой принципиальной линии — вот что в значительной мере определяло стиль работы комиссии детской литературы при Союзе писателей» [Прилежаева 1950]. Прилежаева призывает комиссию обратить внимание на детскую литературу и возродить критику. В архиве ЦК ВЛКСМ хранится справка внутреннего пользования от 21 января 1950 г., большей частью текстуально совпадающая со статьей Прилежаевой, но не имеющая опасной концовки с обвинениями Комиссии ССП.

Такие нападки открывали возможность для снятия руководства Комиссии по детской литературе (С. Я. Маршак, В. В. Смирнова, И. Ивич, Л. А. Кассиль), которое, как указывалось в другой справке ЦК ВЛКСМ от 10 января 1950 г., считало «возможным мириться с проявлением в советской литературе для детей аполитичности, ущербности и других явлений», подменило «принципиальное руководство детской литературой беспринципной защитой кастовых интересов узкого круга лиц»³². Анонимный автор писал о том, что линия поведения Комиссии приводила к замалчиванию новых вещей («Малышок» И. Ликстанова) и разносу талантливых, с его точки зрения, произведений («Васек Трубачев и его товарищи» В. Осеевой, «Бригада смышленных» В. Курочкина). Воскрешались довоенные упреки писателям в формализме. Зловеще прозвучали обвинения в том, что «ошибки не были случайными, их цель можно проследить на протяжении ряда лет»³³. Маршаку припомнили его выступление на Первом съезде советских писателей в 1934 г., в котором он превозносил западную литературу. Таким образом, маршаканская линия в детской литературе, как и в конце 1930-х гг., оказывается разоблаченной. Обусловленные политикой изменения, происходящие во «взрослой» литературе, распространяются и на литературу детскую.

В ориентации на мнение разоблаченных руководителей Комиссии обвинялся и Детгиз, не имевший, как утверждалось, своего «принципиального, партийного» отношения к рукописям, что приводило к появлению политически не выверенных книг:

«Великое противостояние» Л. Кассиля, «Тетрадь Андрея Сазонова» Н. Кальмы и др. Еще одним существенным обвинением было то, что Комиссия по детской литературе и Детгиз не прислушиваются к голосу комсомола³⁴. Так, Комиссия ССП признавалась одним из агентов влияния на планы Детгиза, но ее руководство оценивалось как не выполнившее предписания партии и потому было смещено. Нам неизвестно, пыталось ли издательство как-то противостоять разгрому Комиссии ССП. В итоге единственное писательское влияние на Детгиз было устранено.

Возможно, именно эти потрясения послужили причиной двум последовательно произошедшим событиям, свидетельствующим о попытке изменения метода работы в издательстве. 1 ноября 1950 г. в Москве (а в 1951 г. — в Ленинграде) была открыта творческая лаборатория Детгиза — Дом детской книги (далее — ДДК). Задачей новой институции, согласно положению о его работе, было «изучение читательских интересов и осуществление систематической связи Детгиза с детскими читателями»³⁵. В структуре ДДК был создан специальный кабинет изучения читателя, включающий бюро переписки с детьми-читателями. Уже в первый год работы — 1951-й — в Дом детской книги поступило 33 422 письма, содержа-

Е. П. Пешкова, Л. А. Кассиль, А. Л. Барто, С. В. Михалков и К. Ф. Пискунов на 75-летию С. Я. Маршак в Доме детской книги. 1962 г. (Ф. 636 ОР ИМЛИ РАН)

щих более 45 тысяч читательских откликов на книги³⁶. Отклики систематизировались, наиболее интересные собирались, по результатам работы печатался на машинке в количестве 15–20 экземпляров Бюллетень читательских писем-отзывов, который рассылался по редакциям Детгиза. Писатели также знакомились с поступающими на их книги отзывами. ДДК вел летопись мероприятий издательства, составлял альбомы с фотоотчетами о них.

Через ДДК издательство пыталось услышать и молодых авторов. При ленинградском отделении Детгиза было создано объединение начинающих писателей, в котором активно обсуждались рукописи. По результатам работы объединения уже в 1951 г. было издано два альманаха «Дружба», а Лендетгиз заключил договоры на издание книг начинающих авторов.

Второе начинание Детгиза в 1950 г. касалось писателей. Как уже отмечалось, разработка ряда тем детской литературы была особенно важна в глазах руководящих инстанций. В издательстве осознавали сложность работы с приоритетными темами. Еще в 1948 г. редактор Детгиза И. Прусаков отмечал на редакционном совещании: «Есть особо ответственные книги, определяющие лицо всего издательства, — книги на революционно-исторические темы, книги о вождях. Главная редакция должна следить за ними в первую очередь, помогать редактору»³⁷. Но только в декабре 1950 г. было издано Положение об экспериментальных работах в издательстве по созданию новых книг, согласно которому отныне с молодыми авторами заключались договоры на работу над книгами по первостепенным темам (книги о вождях, ученых, школе, пионерской и комсомольской организациях, жизни стран народной демократии, фантастическая и научно-художественная литература)³⁸. В случае неудачи автора произведенные затраты списывались на счет экспериментальных работ. Так издательство стремилось достичь хорошего уровня исполнения и «взрастить» молодых авторов в должном ключе.

Казалось бы, методика работа Детгиза с читателями и писателями меняется от директивной к исследовательской. Но, скорее, как показывает дальнейшая работа издательства, можно говорить о том, что на данном этапе отношения Детгиза с писателями и читателями институционализируются.

Пытавшийся обновить свою работу Детгиз все же продолжает вызывать нарекания. В декабре 1950 г. в «Комсомольской правде» появляется критическая статья [Арбенина 1950], а в на-

чале 1951 г. в ЦК ВЛКСМ поступает письмо от некой Н. Венециановой, в котором указывалось на неквалифицированность и неподготовленность работников и руководства Детгиза. Отмечается, что работа издательства постоянно ухудшается из-за отсутствия критики его работы. Недопустимым признавалось исключительное положение Детгиза. В частности, критиковался отдел классики, в котором «отсутствует план, книги издаются без сведений об эпохе и авторе»³⁹. Венецианова утверждала, что отдел современной литературы предпочитает переиздавать книги, выпущенные другими издательствами («Поднятая целина» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого), то есть избегает работы с авторами. В несоответствии занимаемым должностям обвинялись зав. отделами, гл. редактор В. Г. Компаниец и директор К. Ф. Пискунов. Но это письмо, бывшее по своей форме доносом, хода не получило, и Компаниец с Пискуновым благополучно возглавляли издательство до 1970-х гг.

Важным продолжает оставаться влияние педагогики на издание детской литературы. Задача установления «практического единства педагогов и писателей» была, по словам министра просвещения и президента АПН И. А. Каирова, основной на Сессии АПН и Минпроса РСФСР, посвященной обсуждению педагогических требований, предъявляемых к детской книге (4–6 февр. 1952 г.). Основной доклад был сделан зам. министра просвещения Л. Дубровиной. В ее докладе можно выделить два важных момента, новых по сравнению с предыдущими требованиями. Ведущей для писателей она называет тему борьбы за мир, о чем мы уже упоминали. И наконец-то признается, что дети имеют свои неудовлетворенные интересы: «Почти 50% пожеланий школьников к пятилетнему плану Детгиза относится к созданию научно-фантастической литературы»⁴⁰. Так, официальный докладчик обнаружила нарушение горьковского принципа, положенного в основу работы Детгиза — издавать то, о чем хочет прочитать ребенок.

14–16 апреля 1952 г. состоялось еще одно мероприятие, на котором с высокой трибуны ставились вопросы детской книги, — Первое всесоюзное совещание по детской литературе. Его открыл писатель и литературный чиновник А. Сурков, который призывал оживить критику детской литературы. Второй доклад «Советская литература и советская школа», вновь обнаживший тесную связь педагогики и литературы, был сделан все той же Дубровиной.

Эти мероприятия послужили очередному оживлению педагогической требовательности к детской литературе. Н. Ильина отмечала недостатки книг о пионерах: «За последнее время в детской литературе установилась неправильная тенденция показывать пионеров преимущественно на отдыхе, в походах и экскурсиях. <...> В литературе не отражена полностью идейная сущность пионерской организации, не показано, как она направляет поступки ребят, формирует их характеры»; «Создание полнокровных, значительных образов учителя и вожатого — одна из задач детской литературы» [Ильина 1952]. В очередной раз декларировался принцип социалистического реализма: в детских книгах должны быть отражены образцовые, но при этом реалистические пионерские будни, показано, как организация формирует и воспитывает ребенка.

Детгизу ничего не оставалось, как прислушиваться к критике и отвечать в характерном для времени жанре разоблачительной самокритики и самобичевания. В отчете о работе за 1952 г. Компаниец и Пискунов признавали недостатки в работе: «Критика в адрес нашей литературы с трибуны XIX съезда партии целиком относится и к Детгизу. Наряду с полноценными талантливыми произведениями в истекшем году были выпущены книги тусклые, серые, невыразительные — к числу их относятся, например, книги И. Винокурова “Трое важных”, А. Алексина “Отряд шагает в ногу”, перевод стихов И. Гришашвили, страдает недоработанностью книга Е. Строговой “Как делаются открытия”. <...> Все это явилось следствием недостаточной требовательности со стороны редакторов, слабости творческой критики и самокритики в редакциях, спешки и непродуманности в работе»⁴¹.

Критерием оценки детской книги для издательства становилось государственное одобрение. Присуждение Сталинской премии писателю за то или иное произведение давало книге неприкосновенный для критики статус. Например, повесть Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» закрепляется в издательских планах после того, как в 1952 г. была отмечена Сталинской премией. К. Пискунов вспоминал: «Интересно шла работа с Носовым — над “Витей Малеевым”. Скажу по правде, мы сами не ожидали такого громкого успеха этой книги — достаточно сказать, что до присуждения Сталинской премии на нашем министерском конкурсе она получила всего лишь 3-ю премию. И очень многие сомневались в ее педагогической выдержанности. Издательство защищало книгу и довело работу до конца»⁴².

Тот же критерий был основным в определении качества детских книг руководством ЦК ВЛКСМ: «Литература для детей в послевоенное время достигла больших успехов. Признаком ее роста являлось увеличение произведений, удостоенных Сталинской премией»⁴³. Стоит ли говорить о том, что премия была дискредитирована тем, что выдавалась слишком щедро», присуждалась, в первую очередь, за политически конъюнктурные произведения («Сталин. Детство и отрочество» Г. Леонидзе, «Павлик Морозов» С. Щипачева, «Мальшок» И. Ликстанова, «Стожары» А. Мусатова, «Мы — советские люди» Б. Полевого и др.). Но, с другой стороны, для многих отмеченных ею произведений она стала способом вхождения в канон советской детской литературы: стихи А. Барто, С. Михалкова, С. Маршака, «Сын полка» В. Катаева, «Два капитана» В. Каверина, «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского, «Васек Трубачев» В. Осеевой, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодая гвардия» А. Фадеева и др.

Прямое влияние комсомольской организации на книгоиздание осуществлялось путем заявок на выпуск книг, нужных для воспитания молодежи. Так, 22 января 1954 г. секретарь ЦК ВЛКСМ З. Туманова вносила предложение заместителю начальника Главиздата о переиздании в 1954 г. «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, «Мужества» В. Кетлинской, «Двух капитанов» В. Каверина, «Алых погон» Б. Изюмского, произведений М. Пришвина, К. Паустовского, а также «Отверженных» В. Гюго.

Пионерская организация не действовала так директивно, но также высказывала свои пожелания по изданию книг. В справке ЦК ВЛКСМ «Детская литература и пионерская организация» 1954 г. в качестве примера выдвигались книги: «Улица младшего сына» Л. Кассиля и М. Поляновского (переработанная после критики 1950 г., в 1954 г. она признается образцовой в череде книг о пионерах-героях), «Павлик Морозов» В. Губарева, «Партизан Леня Голиков» Ю. Королькова⁴⁴. Там же отмечалось, что «степень художественности, ценность произведения стоит в прямой зависимости от того, насколько глубоко проник писатель в существо деятельности пионерской организации»⁴⁵. Плохое знакомство писателя с пионерской жизнью порождало, с точки зрения ЦК ВЛКСМ, плохие книги. Такие попытки обоснования единства идейности и мастерства писателя сегодня звучат абсурдно.

Хотелось бы подробнее остановиться на вопросе: как же Детгиз взаимодействовал с писателями. Большой проблемой для писателей было то, что издательство в описываемый период было монополистом в детской литературе. Только в 1957 г. возникает альтернативное издательство — «Детский мир». Когда в 1954 г. секретарь Союза писателей С. С. Смирнов обвинил Детгиз в монополии, посягая, что авторам с отклоненными Детгизом рукописями некуда больше пойти, директор издательства К. Пискунов предложил писателям предоставлять «полноценные» рукописи⁴⁶.

Предъявляя требования к детским писателям и детской книге, Детгиз одновременно совмещал функции внутренней критики и управления литературным процессом. С одной стороны, издательство было транслятором идей партии. В статьях и докладах К. Пискунова, В. Компаниеца и печатных изданиях ДДК Детгиза ориентация издателей на власть проявлялась уже в организации материала — в начале докладов и статей всегда давались постановления партии.

С другой стороны, по отношению к писателям Детгиз сам становился руководящим органом, ожидая от них книг на те или иные темы. В. Компаниец писал о работе Детгиза: «Недостатков и нерешенных задач в работе государственного издательства детской литературы еще немало. По-прежнему плохо обстоят дела с созданием новой советской сказки; мало, очень мало сделано в области научно-фантастической и приключенческой литературы; совершенно отсутствует в детском чтении сатирическая книжка; почти нет оригинальных драматических произведений; мало издается публицистической литературы» [Компаниец 1954]. Детская книга была в его понимании схожа с газетой, только писателям и издательским работникам не хватало оперативности: освоение целины, ведущееся уже два года, еще не вошло в литературу. Самокритичность издательства подспудно была обращена именно к авторам: «Издательства должны активно направлять труд детских писателей. Ослабление организующей и направляющей роли издательства в создании книг для детей может привести и к увлечению малозначительными темами, и к полному забвению важных и нужных тем» [Компаниец 1954]. В качестве иллюстрации приводился забавный пример: «Почему, например, из книг для дошкольников совершенно исчезла простая русская Буренушка, Буренушка, о которой народом сказано столько теплых и ласковых слов и которая сейчас в нашем быту и в народном хозяйстве

играет, как известно, немаловажную роль? В то же время в детских книгах много поэтического жара почему-то расходуется на зайцев, мышек, ежей и котов» [Компаниец 1954]. Делался вывод, что «издательство не сумело направить творческие силы писателей на решение этих задач и недостаточно активно искало новых авторов» [Компаниец 1954].

Итак, руководящие инстанции предъявляли Детгизу требования издавать книги на темы, призванные явно и подспудно поддерживать существовавший политический строй. Издательство становилось своеобразным аккумулятором этих идей, в соответствии с ними составляя свои планы.

Вместе с тем политическая ситуация постоянно менялась, издательство не успевало своевременно отвечать навязываемым требованиям. Пока оно издавало книги о вождях, пионерах, школе и деревне, оказалось, что в плачевном состоянии находятся научная и научно-фантастическая литература, юмор и сатира, новая сказка. Оказалось, что именно таких книг не хватает детям.

Неуслышанными оставались и детские писатели. Над ними существовало несколько управляющих инстанций, делавших заказ на определенные темы в литературе, а Детгиз был единственной возможностью дойти до массового читателя. Издательство оставалось огромной, малоподвижной структурой, выпускавшей книги многотысячными тиражами, и, несмотря на все предпринятые попытки, способной с трудом отзываться на текущий литературный процесс.

Конечно, не всегда Детгиз издавал именно те книги, которых ожидали партийные инстанции. Но попытки Детгиза «очеловечить» свою работу, повернуться лицом к писателям и читателям приводили к отклонению от выполнения партийных требований, за которое издательство вновь и вновь подвергалось критике со стороны властей.

Примечания

¹ Письмо К. Ф. Пискунова А. И. Микояну от 10 ноября 1956 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 5744; РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 817. Л. 84-95.

² Заключение о выполнении Детгизом плана издания детской художественной литературы на 1954 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 4280. Л. 26.

³ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 92. Л. 43.

⁴ Стенограмма заседания коллегии Министерства просвещения РСФСР от 20 февраля 1947 г. // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 9-11.

⁵ Выступление зам. мин. просвещения Кондакова // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 88.

- ⁶ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 6.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 53.
- ⁸ Выступление Александрова («Учительская газета») // ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 46.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 71. Д. 67. Л. 65.
- ¹⁰ Акт приема-передачи Государственного издательства детской литературы за 1964 г. // ГАРФ. Ф. 631. Оп. 1. Д. 318. Л. 14.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 628. Л. 46–47.
- ¹² Стенограмма заседания редакционного и художественного советов по обсуждению проекта плана Детгиза на 1949 г. // РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 59. Л. 9.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 379. Л. 1–2.
- ¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 379. Л. 1.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 379. Л. 4.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 379. Л. 7.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 4.
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 216. Л. 152.
- ¹⁹ Речь идет о книге: Песня о Сталине. Избранные стихи советских поэтов. Для среднего и старшего возраста. Москва; Ленинград: Изд. и ф-ка дет. книги Детгиза в М., 1950. 184 с.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 60.
- ²¹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 216. Л. 76.
- ²² РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 6.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 7.
- ²⁴ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 6.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 34.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 508. Л. 80.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 3.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 1–4.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 2536. Л. 13.
- ³⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 92. Л. 30.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 4964. Л. 118.
- ³² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 5.
- ³³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 6.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 623. Л. 9–10.
- ³⁵ Федосеева Т. К. Московский Дом детской книги и его деятельность в области библиографии и пропаганды детской литературы. Дипломная работа. М., 1969 // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 4. Ед. хр. 177. Л. 9.
- ³⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 4. Ед. хр. 148. Л. 20.
- ³⁷ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 57. Л. 62.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 68.
- ³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 656. Л. 191.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 92. Л. 64.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 72. Д. 2536. Л. 15.
- ⁴² ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 21.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 762. Л. 152.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 762. Л. 56.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 762. Л. 54.
- ⁴⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 24.

Источники

Арбенина Н. [Венецианова Н.]. Довольно обманчивых призраков // Комсомольская правда. 1950. 23 дек.

Ильина Н. Больше хороших книг о пионерах // Литературная газета. 1952. № 47 (17 апреля). С. 2.

Компаниец В. Издательство и детская литература // Комсомольская правда. 1954. 21 окт. С. 3.

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1972. 635 с.

Прилежаева М. О критике детской литературы // Литературная газета. 1950. № 3 (7 января). С. 3.

Чегодаев А. В. Моя жизнь и люди, которых я знал: Воспоминания. М.: Захаров, 2006. 366 с.

Исследования

Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: МАКС Пресс, 2007. 352 с.